

Елена Чепенас

ТЕНЬ АТТЕЛА

16+

Елена Чепенас

Тень ангела

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Чепенас Е. Ю.

Тень аггела / Е. Ю. Чепенас — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Спокойная и размеренная жизнь детского врача Николы Любавина закончилась в тот момент, когда он обнаружил в себе способность видеть за спиной некоторых граждан, пребывающих не в ладах с законом, темные крылья дьявола. Пока Никола думал, как распорядиться этим необычным даром, на его след вышел убийца. Дыхание близкой смерти перевернуло в душе Николы все прежние представления о Боге, о любви, о дружбе и предательстве....Они встретились на высоком берегу замерзающей реки: безоружный детский доктор и человек, который был уверен, что с убийством Николы закончатся его проблемы.

© Чепенас Е. Ю., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Аггел – злой дух, дьявол.
(Словарь церковно-славянского языка)

Глава первая

Так вот какими мы стали!

Смешиливый толстячок с заплывшими глазками превратился в сказочного принца! Узнать невозможно – словно другой человек носит имечко, которое кое-кому на всю жизнь запомнилось: Никола Любавин. И ведь не Коляка, не Колян, а именно Никола. Так звали тебя даже учителя. Сначала Николо Паганини, а после того, как ты, ленивый и смешиливый толстячок, забросил свою скрипку, фамилия великого музыканта отпала, словно засохшая ветка. А Никола остался. И теперь эта вариация простецкого в общем-то имени тебе добавляет шарма...

Щенячья смешиливость обернулась блестящим чувством юмора, в спортивной фигуре и намека нет на бывшие складочки. А глаза-то такие откуда? Неужто из тех самых щелочек выплупились? Вот уж, наверное, беда девочкам от твоих веселых и ласковых синих глаз!

Обаяшка – слов нет! И держишься так, будто тебе действительно интересно видеть твоих бывших одноклассников – не из простого любопытства: кто кого обскакал на жизненной кривой. Нет, нет, что вы! Вот стоило перепившему неудачнику пустить слезу по поводу своей нескладной судьбы, наш обаяшка тут же подскочил: не помочь ли?

Мне помоги, Никола!

Помнишь, ты вычислил мелкого воршику, промышлявшего по учительским сумкам и портфелям одноклассников? Тот воршика действительно был мелок и глуп. Но он тоже вырос и изменился. По чужим сумкам и карманам уже не лазает. И даже ты забыл имя, которое тогда назвал. Так правду ли болтали, что по каким-то только тебе известным признакам ты можешь узнать в многолюдной толпе опасного человека – воршику, грабителя, душегуба? И всегда ли с тобой эта необычная, чудесная способность? А может, те разговоры – всего лишь байки?

...Нет, не поможешь ты мне ничем, синеглазый. Да я и не обижусь. Мне привычнее добиваться своего без посторонней помощи, собственными руками. Собственным умом, которым и меня не обделили при зачатии. И пусть девочки с ума сходят от твоих невыносимых глаз – мое место в твоей жизни никто не займет.

До чего ты довел меня, Никола! Впору стихи в прозе издавать. Вот уж посмеется мой спонсор, когда я заявлюсь к нему с таким предложением!

Впрочем, прежде чем являться, нужно спонсору позвонить. И как можно скорее. Что же мы скажем ему?

А так и скажем: у нас проблемы.

* * *

Никола очень спешил.

Легко и непринужденно он пролетел половину лестницы, ведущей из метро, и так же легко и непринужденно чуть не врезался лбом в очередную ступеньку. Его спасли перила, которые оказались рядом, и отличная реакция.

Опять шнурки развязались!

Новые ботинки были всем хороши – легкие, удобные, из мягкой натуральной кожи. Но какому-то придурку пришлось в голову на такой суперской обуви сделать крошечные дырки для шнурков! Тонюсенькие завязки были шелковистыми, скользкими и никак не хотели держать

узел. И заменить нечем – Никола безуспешно обегал несколько магазинов. Если шнурок пролезал в дырку, так только такой же шелковый, никчемушный.

Красный от смущения, Никола осторожно одолел несколько оставшихся ступеней и опустился на корточки недалеко от зияющей пасти метро. Морским узлом их завязать, что ли? Или совсем выдернуть? Так хоть жизнь будет гарантирована...

Справившись со шнурками, он резко выпрямился. Вот тут и произошло столкновение. У Николы мелькнула не к месту смешливая мысль, что ступенька его все-таки догнала и стукнула по темечку. Из глаз искры, в ушах звон!

Мужичок в черном берете, похожий на престарелого художника, так же стремительно, как давеча Никола, вылетел из метро в тот момент, когда Никола поднимался с корточек. Ну Никола и врезался темечком в его подбородок.

Поднимая слетевший с головы шикарный головной убор, мужичок ругался на чем свет стоит.

А Никола – что ж, бывает – потер ушибленную голову, пробормотал себе в оправдание что-то о законе парности случаев.

– Кстати, – попытался он охладить разозленного мужичка, – если сегодня у вас только эта неприятность случилась – ждите вторую.

Мужик от неожиданности рот раскрыл и с большим подозрением оглядел Николу.

– Ты что имеешь в виду?! – то ли с опаской, то ли с нерешительной угрозой прорычал он.

– Ничего конкретно. Просто, повторяю, есть такой закон – парности случаев...

Мужик надвинул на лоб берет, выругался и резво побежал к своей цели.

Николина цель находилась в той же стороне, куда вприпрыжку скакал мужик. И, кажется, в одном здании... Ого, никак они спешили даже в одно заведение с шикарной вывеской на двери – «Банк «Россия плюс». Никола развеселился и сбавил шаг – еще подумает художник, что его преследуют с целью ограбления. В двух шагах от двери банка, куда нырнул мужичок, он остановился и закурил.

По улицам центра бродила праздная публика. Кажется, на всю Москву остались только двое озабоченных – художник и Никола, остальные уже расслабляются. Вот двое парнишек стоят недалеко, тянут пиво из банок, беседуют неспешно. Впрочем, один из них бросил только что зажженную сигарету и скрылся за дверью банка. Его товарищ остался, спокойно покуривая...

Никола моргнул. Предзакатное солнце запустило из-за старого особняка пучок лучей, они били прямо в глаза. Из-за этого, наверное, только что четкая фигура вдруг как будто расплылась, по ее контуру словно за клубилась темная полоса... Никола замер. Что-то такое уже было в его жизни... В детстве, в шестом или седьмом классе... Что-то странное, необъяснимое и оттого страшное...

Бросив сигарету под ноги – урны в Москве практически исчезли из-за терактов – он поспешно вошел в небольшое помещение банка. Девушка за стойкой – у нее он получит нужную информацию и быстрее, быстрее к Аллочке.

Мужичка в берете Никола увидел сразу. Тот колдовал у банкомата, неширокой спиной старательно закрывая от посторонних глаз свои манипуляции.

Давешний парень внимательно изучал за столиком банковские буклеты. Он сидел в трех шагах от Николы, очертания плеч и рук на столе были размытыми, расплывались, будто за ними колыхался темно-серый туман.

Никола перевел взгляд на девушку за стойкой. Обтянутые голубым плечики четко вырисовывались на фоне светлой офисной стены. Роскошные формы ее собеседницы – дамы в белом пиджаке – Никола видел также четко.

Он прошел через арку в другую часть помещения, встал вполоборота к парню за столиком, не выпуская его из виду.

Если все так, как было давно – в детстве – , надо что-то предпринимать. А что?
Никола закрыл глаза.

«Это случайно. Это ничего не значит. У меня свои проблемы. Я ничего не могу предотвратить». Судорожные самоуговоры ничего не изменили. Он понял это, когда открыл глаза и увидел, как художник, засунув толстый бумажник во внутренний карман курточки, пошел к выходу. А парень с тенью за спиной, которую видел один Никола, положил буклет на стол и, не торопясь, двинулся ему вслед.

Никола помедлил и решил. Он просто пройдет немного за парнишками, чтобы убедиться: у него нелады со зрением, или глюки, или паранойя. Он просто убедится и вернется к своим делам.

Только немного пройдет за ними.

* * *

Художник двигался в сторону метро все той же торопливой нервной рысцой, но на углу, у гастронома, притормозил, секунду постоял в нерешительности и махнул рукой – видимо, на что-то уговорил себя.

«Вот сейчас парнишки пройдут мимо гастронома, скроются в сиреновой дали, и я убедюсь, что все нормально», – Никола нервно хохотнул на слове «убедюсь».

Парни действительно прошли мимо магазинной двери, но чуть подальше остановились. Опять покурить решили?

Никола замешкался, не зная, как поступить. Светиться у этой парочки нельзя. Лучше за художником – мало ли людей в гастрономе?

Знакомый берет успел отовариться. Художник держал в одной руке открытую банку пива, в другой – мобильник. Старинная громоздкая «Моторола», примитивная и надежная, совсем как вещь советского производства, в его сухонькой лапке выглядела еще более громоздкой.

– Светка, ну все, выходи. Пока доедешь – я уж там буду. Позвони Таньке-то, скажи, все в порядке, еду. Да я уже в метро, ну пока.

Никола невидящим взглядом уставился на сверкающую витрину отдела, будто выбирал что-то. Затылком он почувствовал, что художник опустошил банку и готов продолжить путь.

« В метро он уже, видишь ли. Не вовремя решил освежиться, дядя, – укорил художника Никола. – Тебе бы на такси да к Светке с Танькой под абажур».

Ему самому так нестерпимо захотелось оказаться рядом с Аллочкой в своей уютной мирной квартире, что даже под ребром заныло.

Ну какой из него сыщик? А охранник – тем более. Он привык иметь дело все больше с детьми, с их болячками и квадратными от страха и безнадёги глазами. Детский врач Никола Любавин обязан был детские болячки исцелять, а квадратным глазам придавать естественную для них форму, которая отражала бы факт исцеления и самое горячее, самое естественное ребячье чувство – скорей домой, подальше от тебя, дорогой доктор Никола!

То есть Никола по определению не подходил для такого дела, в которое неожиданно ввязался. Поэтому и под ребром ныло не переставая, трусливо и жалостно.

Правда, еще оставалась надежда, что парни испарились, пока они с художником грелись в гастрономе. Ну прикурили по дороге и пошли восвояси...

Парней и вправду не было. Несколько мгновений. Они возникли у самого входа в метро – теперь уже оба в черных бейсболках на коротко стриженных головах. Никола решил было, что это совсем даже другие ребята, случайные прохожие. Но размытый контур плеч, словно растушеванный в пространстве, не давал обмануться.

«Ладно, – твердо сказал себе Никола. – Даже если все повторяется, и я на самом деле вижу то, что не видят другие, – мне же сейчас не тринадцать лет, а целых тридцать два! И

если эти парни действительно опасны для художника, я что-нибудь придумаю... А если не опасны – всего-навсего потеряю немного времени из-за этой дурацкой слежки. Ну еще Аллочка фыркнет. Ну еще к окулисту забежать придется. Пустяки!»

Значит, главное сейчас – не потерять из виду художника с сопровождением и не обнаружить себя. Ребятки-то ученые, не просто так бейсболки натянули. Любитель пива может насторожиться, если успел хоть мельком увидеть их физиономии. Но тот, кажется, весь в своих проблемах и ничего вокруг не замечает. «Козел старый», – только сейчас Никола почувствовал обжигающую, как глоток спирта, злость на недотепу в берете.

Немноголюдный вагон метро равнодушно впустил его в душное нутро. Никола встал у двери, так, чтоб видеть художника, который торопливо шлепнулся на свободное место. Устал, видишь ли... А Никола разве не устал заниматься не своим делом?

Чертыхаясь, он достал из портфеля книгу. Буквы прыгали перед глазами. Пусть прыгают, все равно сейчас не до чтения – закрыться бы от всего света.

Парни разделились. Один наглым образом устроился недалеко от художника, пониже натянув кепку и сделав вид, будто задремал. Другой со скучающим видом изучал рекламные листки, опершись плечом на створки дверей, которые на этой линии метро не открывались....

А если сейчас подсесть к художнику и попытаться втолковать, что его от банкомата провожают двое? Поверит ли? Николу он узнает – на подбородке наверняка синяк вызрел от столкновения с ним. Узнает и вспомнит Николино бормотанье про закон парности случаев. Ага, и устроит скандал – мол, не ты ли на мои денежки глаз положил, или разыграть задумал? Нет, не поверит он Николе. Надо выждать момент... Хорошо б еще угадать – какой именно...

Переходы в метро вымотали Николу больше, чем езда в одном вагоне с теми, кому нельзя было попадаться на глаза. Он очень боялся потерять художника. Ощущение опасности было уже настолько острым, будто она грозила непосредственно ему, Николе.

И что понесло этот нелепый берет в центр за деньгами? Банкоматы «России плюс» наверняка есть ближе к его дому. Или они со Светкой и Танькой решили, что в центре деньги самые свежие, как когда-то мясо и булочки в Елисейском гастрономе? Дураки, на самом деле...

«А что дальше-то?» – тоскливо и неотступно закружилась в голове мысль. Сейчас где-нибудь в пустынной подворотне эти двое пристукнут мужичка и обчистят, а у Николы нет ни «калаша», ни «стечкина». Даже хорошей дубинки не присмотрел по дороге. Хотя какие дубинки в подземке – не тайга же. Вон у мента болтается на поясе вполне пригодная к случаю – не одолжить ли на время? Или предложить самому поработать?

Только как объяснишь, чем не понравились Николе эти парни? Если у них документы в полном порядке, художник успеет уйти далеко. А вот Никола вряд ли... Не простят ему мальчишки несанкционированного вмешательства в их личную жизнь...

Синий тихий субботний вечер мирно пасся на выходе из метро. Никола мельком пожалел, что их с Аллочкой планам на сегодня уже не осуществиться. Хорошо, если она его все-таки дождетя...

Курить не хотелось, но надо было чем-то занять себя те несколько мгновений, пока художник, непонятно почему, остановился у длинного ряда киосков. Забыл, куда идти? Или опять жажда мучает? Воровато зыркнув по сторонам, чудак в берете вдруг рванул за киоск, в кусты.

Никола охнул. Да что ж ты делаешь, дядя? Сам башку на гильотину пристраиваешь! Вот как пиво-то втайне от жены пить! Приспичило!

Парни в бейсболках, не раздумывая, ринулись вслед за художником. Двигались они бесшумно и молниеносно.

Никола растерянно огляделся вокруг. Подвыпившая парочка – не помощники. Старуха с допотопной авоськой... Вдалеке, на автобусной остановке, несколько человек...

Поздно.

Тряхнув свой портфель и ощутив его успокаивающую тяжесть, Никола быстро шагнул за киоск. Листья на кустарнике уже пожухли. Он ударился ногой о низкую металлическую ограду, шагнул через нее и услышал тихую возню.

Один из парней держал концы удавки – Никола успел понять, что она затягивается на горле художника все туже. Другой лез за пазуху жертвы – нащупал бумажник.

Никола был выше обоих бандитов, поэтому набитый портфель, со всей отчаянностью опущенный на голову, вырубил одного сразу. Другому достались остатки – ребром портфеля по физиономии и плашмя по темечку.

Подхватив за шкирку обмякшего художника, Никола потащил его за собой. Мужик хватался за горло, хрипел и задыхался. Никола знал, что в запасе у них несколько секунд – второй наверняка очухается быстро. Он волок художника через кусты, через железную ограду, по асфальту между киосками.

– Давай, мужик, давай, ножками, ножками, – уговаривал Никола. – Торопиться надо!

От них шарахнулись какие-то люди. «Где вы раньше были, граждане?» – мельком ругнулся Никола. Он уже дотащил мужика до проезжей части, рукой с портфелем пытался голосовать. Машины шли густо, но никто не останавливался.

«Сейчас нам эти мальчишки устроят вендетту», – понял Никола и выпустил из руки куртеху художника. Тот мешком свалился на асфальт.

Никола прыгнул на проезжую часть – какой-то «москвиченок» едва успел затормозить.

– Открывай! – чужим голосом заорал Никола. – Убойный отдел!

Кажется, так рекомендовались менты из любимого Аллочкиного сериала. Может, только страха в Николином голосе было побольше, чем у ментов. Впрочем, что с него взять – в спецназе не состоял, восточным боевым премудростям не обучался, в списках не значился.

Он рванул заднюю дверцу, кинул в прокуренное нутро автомобиля портфель, подхватил под руки художника и стал быстренько запихивать его в салон.

– Гони! – опять заорал Никола. Он краем глаза увидел, что из-за ларьков слишком бодро для контуженных выскакивают знакомые до ломоты в скулах фигуры.

– Куда ехать-то? – испуганно спросил водитель, миновав на красный свет первый перекресток.

– Сейчас спросим, – все еще на крике сообщил Никола, профессионально ощупывая художника. Тот хрипло постанывал, тараща бессмысленные глаза.

– Ничего, жить будешь, – уже тише и веселей уверил его спаситель.

Острое чувство, сродни мальчишескому, ударило в голову.

Словно все это время весь класс смотрел – прыгнет ли Никола с десятиметровой вышки в речку или струсит? А он прыгнул, не струсил и красиво вошел в воду, без лишних брызг, и одобрительный гул всего класса наполнил почему-то не только голову, но все внутренности, и от этого стало так весело и бесшабашно...

– Ты кто? – прохрипел художник. – Ты из милиции?

– Нет, я врач. А ты кто? Художник?

– Какой, ..., художник! Сварщик я, Сергей Безуглов. А ты кто? Из милиции?

– У тебя шок, дорогой Сергей Безуглов. Не надо было пиво пить – глядишь, и обошлось бы без приключений. Говори адрес, куда тебя везти. Где твоя Танька живет?

Вот это он, конечно, напрасно сказал. Художник, который на самом деле оказался сварщиком, чуть головой не врезался в стекло – шарахнулся от Николы.

– Да не бойся ты, сварщик Сергей Безуглов, – смог улыбнуться Никола. – Я тебе сейчас расскажу, откуда про Таньку знаю. А ты не тормози, друг, – повернулся он к водителю. – Я не из убойного отдела, но мы с тобой сейчас этого сварщика от верной смерти спасли, честное слово!

Ему не жалко было поделиться славой. В конце концов, без этого «москвича» с прокурренным нутром Николины усилия действительно могли и на глазах прохожих увенчаться не лавровым венком. А другим, с искусственными неземными цветами...

Водитель глянул на своих пассажиров в зеркало и покачал головой:

– Ну рожи у вас обоих! Как будто за вами как раз менты гонятся!

Никола с удовольствием засмеялся. Потрепанный сварщик тоже одышливо хохотнул. Свой роскошный берет он потерял в кустах, где ему готовился отдых, и теперь не был похож на бывшего художника...

* * *

Жена Светка, дочь Танька с мужем и сыновьями-близняшками Колей-Толей, которых не различали даже родители, долго не отпускали Николу.

Сам пострадавший впал, по Николиному определению, в ажиатированную депрессию, носился по квартире с бутылками, ругательствами и нежными словами благодарности к спасителю и никак не хотел с ним, спасителем, расставаться.

Никола заикнулся о «скорой», но сварщик Серега так посмотрел на него, что детский врач забыл, о чем это он хотел сказать.

– Мой главный лекарь – ты, Никола, а вот это – средство, которое ты прописал, – показывал Серега на бутылку «Гжелки» и хрипло смеялся.

Они оба приняли немного «за благополучный исход», потом добавили, потом еще, и вдруг – ну какой все-таки умный и внимательный! – Никола сообразил позвонить Аллочке и сообщить, что он немедленно выезжает.

Серега в это время лез в холодильник за очередной порцией лекарства, но Никола твердо сказал:

– Серега, меня Алка бросит, если я сейчас же не приеду.

Серега внимательно оглядел Светку, Таньку, зятя и карапузов, прикидывая, каково было бы ему без них, и печально согласился:

– Надо ехать.

Несмотря на поздний час, все семейство, включая Колю-Толю, вышло ловить для Николы машину.

По дороге он задремал. А когда открыл глаза где-то на полпути к дому, понял, что ни «Гжелка», ни другое какое лекарство сегодня с его проблемой не справится. Он не сказал Сереге, чем конкретно парни вызвали его подозрение. Об этом невозможно было говорить.

Но себя-то не заболтаешь.

И хмель, и возбужденное состояние исчезли, словно и не было. Он чувствовал только невероятную усталость.

Пока раздевался в своей просторной прихожей, распутывал шнурки на ботинках – у, проклятые, из-за вас все! – из комнаты явилась Аллочка.

Как всегда, безмятежная и бело-розовая, теплая, мягкая, славная Аллочка разглядывала Николу, будто ставила ему диагноз.

«Ошибаетесь, коллега», – хотелось сказать Николе. Он молча пошел за ней на кухню, но по дороге сбежал в ванную – не только умыться, главное – побыть одному.

Аллочка терпеливо ждала его, не собирая ужин. Она чувствовала, что есть он вряд ли будет сейчас.

Без удовольствия прихлебывая кофе, Никола коротенько рассказал ей про свое приключение. Его радовало, что в своей обычной манере Аллочка не визжит, не захлебывается вопросами и ахами, а молча слушает. В другой раз его это бы, наверное, рассердило – как будто и

вправду никаких эмоций она не испытывает, не боится за него хоть задним числом, не гордится им – таким умным, смелым, ну просто отчаянным парнем!

Но сегодня ее внешняя безмятежность была очень кстати – устал Никола.

– Мама звонила? – спросил он, заглядывая в пустую чашку. Почему-то после рассказа опять захотелось выпить. Хоть кофе.

– Да, все в порядке. Еще одноклассники звонили, с которыми ты вчера на встрече был.

– А кто из них-то? Их вчера много было.

– Не назвались. Сказали, будут еще звонить.

– Ты б им мобильный дала.

– Зачем? Разберешься сам, кому нужно давать, кому нет...

Никола внимательно посмотрел на нее и понял – как открытие сделал: какая же она чуткая девочка!

Ведь если теперь его опять будут преследовать эти зрительные... ну как их назовешь – образы? знаки? Короче, если сегодняшняя история – не одноразовое напоминание о странностях, происходивших с ним в детстве, то Боже упаси его от лишнего общения! И очень удачно, что встреча с одноклассниками прошла именно вчера, когда он был таким же, как все, видел примерно то же, что другие!

Ни с кем из одноклассников он не поддерживал отношений – так сложилось, друзья были все больше институтские. И замечательно! Сто лет он их не видел и не увидит еще столько же. Потому что как же ему жить дальше, если у кого-то из школьных ребят и девчонок он увидит за спиной клочковатый темно-серый туман: то ли крылья, то ли просто растушевка контура в пространстве...

Впрочем, одному звонить придется.

Накануне встречи с бывшими одноклассниками Никола, посмеиваясь, сказал в ординаторской, полной народа, что известный депутат Государственной думы Владимир Опенкин пару лет сидел с ним за одной партией и даже числился в друзьях. И дернуло его за язык! В этот же день Николу вызвал главврач и заявил, что если доктору Любавину небезразлична судьба родной больницы, он должен немедленно связаться с Опенкиным и возобновить с ним дружеское общение. Реанимационное отделение задыхается без нового аппарата искусственной вентиляции легких, и народный избранник Опенкин вполне может выступить в роли спонсора-спасителя. Известная сеть супермаркетов, существующая не только в столице, но и в крупных городах страны, родилась при активном участии этого депутата. В нужный момент он из бизнесмена превратился в политика, поставив на капитанский мостик финансового корабля родную жену – ну все, как обычно.

Доктор Любавин долго доказывал своему начальству, что затея бесполезна: одноклассников у Опенкина было тридцать штук, он давным-давно всех забыл, наверное.

– Ты попытайся, Никола, – главврач неожиданно сменил тон, он стал таким безнадежно-просительным, что Никола не выдержал, махнул рукой – мол, ладно, попытаюсь...

Он нисколько не надеялся, что Вовка Опенкин явится на встречу одноклассников, но разговоров о его высоком полете не избежать: авось и мелькнет какая-нибудь полезная информация. Так и случилось. Информация не только мелькнула, но осталась в записной книжке любавинского мобильника номером Вовкиного телефона.

Глава вторая

... Так что там случилось, в шестом или седьмом классе?

– У меня с глазами что-то, – однажды пожаловался Никола матери. – Может, надо очки выписывать?

Мама встревожилась и повела его к окулисту.

Все буквы в таблице Никола назвал правильно – и левым, и правым глазом. Докторша записала в карточке: практически здоров.

Успокоенная мама так пылко благодарила врача, будто в этом кабинете Николе новые глаза бесплатно вставили. Он только плечами пожал.

Но через день, когда мама вернулась с работы, Никола заявил ей, что та докторша ничего в своем деле не смыслит. Не может у человека быть стопроцентным зрение, если у него перед глазами фигуры расплываются.

– Ну-ка, прочти строчку, – мама сунула Николе какую-то книжку. Он сердито отшвырнул ее.

– Фигуры, говорят тебе, а не буквы!

– Ну, давай сходим в платную поликлинику, – неуверенно предложила мама.

Платный доктор не ограничился одной таблицей – и глазное дно смотрел, и капли капал, и еще несколько раз заставил прийти.

Но в конце концов и он записал в карточке: практически здоров.

И пожал плечами.

Больше Никола не жаловался матери. Странности со зрением были не постоянными, возникали время от времени, и он решил, что это можно пережить молча. Тем более, если даже платный доктор пожал плечами.

Да тут еще в классе стали происходить одно ЧП за другим.

У Катьки Збруевой кто-то стащил из портфеля мобильный телефон, который в те времена был еще чудом невиданным. Глупая Катька похвастаться решила, втихаря от папаши взяла с собой в школу. Скандал был на всю Ивановскую! Катька ревела, отец бушевал у директора в кабинете так, что потом на весь этаж корвалолом воняло.

Еще не забылось это происшествие, как случилось другое. У Анны Ивановны, исторички, украли зарплату. А у нее муж – инвалид, хоть совсем не старый. Он на войне был. Вроде бы «афганец» – тогда об этом все больше шепотом говорили.

Началась разборка, и в результате выяснилось, что кошелек с деньгами и проездным билетом пропал именно в Николином классе, после урока истории. Срочно вызвали кого-то из родительского комитета, еще пришла из милиции тетка – в форме, с погонами. Они устроили настоящий обыск портфелей и одежды ребят.

И ничего не нашли.

То ли воришка попался ушлый – успел перепрятать, то ли Анна Ивановна ошиблась и не в их классе деньги посеяла.

Учителя сбросились понемногу, чтоб помочь историчке, и долго совещались, закрывшись в учительской вместе с милиционершей. До чего они там досовещались, никому не было известно. Но примерно через неделю, когда во время физкультуры из раздевалки пропали фирменные джинсы Даньки Светлова, к директору вызвали Николиного друга Вадика Мацеру.

Никола вместе с несколькими ребятами топтался возле директорского кабинета. Они хотели знать, что там происходит.

А происходило разоблачение. Вором оказался Вадик, потому что именно в его портфеле нашлись пропавшие штаны.

Эх, и заваруха началась!

Вадик клялся и божился, что джинсы ему подкинули, что он никогда чужого в руки не брал и так далее... Когда Никола увидел, что Вадик заплакал, он ужаснулся. Он ни секунды не верил, что его друг – вор, и сначала думал: вот-вот его невиновность сама собой как-то обнаружится. Но увидел слезы – это у Вадьки-то! – и понял: на дружка, как на какую-нибудь справку из ЖЭКа, шлепнули печать. И с этой печатью он должен жить дальше. А как жить, если у тебя на лбу синими несмываемыми буквами написано: «Вор!»

Родители Вадика хотели перевести его в другую школу, но мальчишка заупрямился. Он еще надеялся как-то доказать всем, что к пропажам в классе непричастен.

Трудно приходилось дружку – Никола видел это. Кто-то из ребят перестал с ним разговаривать, другие поглядывали настороженно и брезгливо. Никола понял, что само собой дело в пользу Вадика не решится. Надо бы что-то предпринять...

...Он сидел за своим столом и рисовал фигурки. Под монотонное журчание голоса математика хотелось дремать. Фигурки получались неказистыми, толстыми. Никола вдруг обратил внимание, что почему-то каждую фигурку – солдата за пулеметом, командира на коне – он обрисовывает дважды. Именно так, как видит некоторых людей, когда у него происходит с глазами что-то непонятное врачам.

Дремотное состояние исчезло. Стараясь не очень вертеться, он окинул взглядом класс. Сегодня кто-нибудь «расплывается»?

– Никола! Да ты у нас не только скрипач, но еще и великий художник! – насмешливый голос математика прозвучал так близко, что Никола вздрогнул. Учитель стоял рядом и рассматривал его рисунки.

– Ну просто отлично! Они чем-то похожи на тебя, – ехидно заметил математик, забирая листок. – Такие же упитанные.

Класс грохнул. Никола не обиделся, хоть это и был запрещенный прием. Некогда ему было обижаться. Кажется, он что-то начал понимать. И решил проверить свою догадку.

Бориска сидел за последним столом один. Белая стена за спиной, а вдоль плеч будто туман клубится, повторяя линии тела.

Он не спускал с Бориски глаз несколько дней. И все-таки пропустил момент.

Олюшка Березина перед очередным уроком открыла портфель, поискала там что-то и тихо сказала:

– Ой!

Никола услышал первым – может быть, потому, что подсознательно ждал подобного вскрика. И краем глаза увидел, как вздрогнул Вадик.

Уже звенел звонок, и англичанка по прозвищу Дига входила в класс.

– Машины часы! Золотые! В ремонт! – Олюшка вытряхнула содержимое портфеля на стол и лихорадочно копалась в нем.

Все, что происходило потом, Никола как будто наблюдал со стороны.

Дига встала у дверей насмерть:

– Никого не выпущу!

Олю она послала за директором.

В классе повисла такая тишина, какой не знавали эти стены даже во время каникул. И все смотрели на Вадика Мацери. Щеки его позеленели. Николе казалось – сейчас друг хлопнется в обморок. Поэтому, когда в коридоре раздался топот множества ног, он рванулся к двери. И прежде чем директриса обратила на Вадика пылающий праведным гневом взор, Никола четко и громко сказал:

– Я знаю, кто взял часы.

Бориска молчал, когда потрошили его сумку, только ухмылялся. Потом его повели в кабинет директора. Туда опять приехала тетка-милиционер.

Никола стоял у двери. Он почему-то знал, что и в одежде у Бориски ничего не найдут. И когда на пороге кабинета возникла растерянная директриса, Никола сказал:

– Он за щекой часы держит...

Бориску из школы убрали, куда – это для всех осталось неизвестным. Вадик был полностью оправдан, а к Николе все долго приставали – откуда он узнал про Бориску. Он молчал, как партизан на допросе, даже Вадику не сказал. И тогда все решили, что Никола стал невольным свидетелем кражи. Он опять молчал.

А через два месяца, когда все стали забывать о происшедшем, Николу здорово побили в подъезде родного дома. Накинули вонючую тряпку на голову и побили. Скрипка вместе с футляром – он возвращался из музыкальной школы – исчезла.

Никола долго залечивал раны, до самых летних каникул. Он не плакал, когда ему накладывали швы на рассеченный лоб, когда невыносимо болела сломанная рука.

Он плакал потом, когда мамина подруга тетя Нина пришла к ним в гости со своим женихом.

Тетя Нина выглядела такой счастливой, радостной, они обсуждали с мамой, где лучше устроить свадьбу – в кафе или дома, поскромнее, ведь все-таки брак не первый и возраст уже...

Жених тоже был весел, и жалел раненого Николу, и ласково обнимал тетю Нину за худенькие плечи... Но у него-то за плечами клубился туман, который видел только Никола!

Ночью мальчик плакал и просил: «Пожалуйста, Боженька, пусть тетя Нина быстрее разлюбит его, он плохой! Пожалуйста, сделай так, чтоб я видел только то, что видят другие! Я ведь маленький еще, я не справлюсь, пожалуйста, Боженька! И пусть я забуду, забуду обо всем!»

Когда тети Нинино нового мужа посадили в тюрьму за вооруженный грабеж и убийство, она долго ночевала у Любавиных – боялась оставаться дома. Лежа вечером в кровати, Никола слушал неразборчивый шепот подруг и очень жалел худенькую добрую тетю Нину.

Он совсем забыл, что еще полгода назад жаловался на плохое зрение.

* * *

Не поднимая головы с подушки, Никола нащупал на тумбе телефон, нажал кнопку автоответчика и приготовился слушать. Глаза не желали открываться.

– С добрым утром, соня. – Аллочка сделала паузу, словно ожидала услышать ответ на приветствие.

– Угу, – послушно откликнулся Никола.

– Вот тебе новость, чтоб быстрее проснулся: завтра профессорский обход, на который явится сам Громов.

– С чего это? – с неудовольствием открыл глаза Никола. Сообщение подействовало, как крепкий кофе, поданный в постель.

– Ну вот и хорошо, совсем проснулся. Тогда, может, позвонишь?

Никола перекатился на свободную половину дивана. Подушка хранила черемуховый запах Аллочкиных духов. Он улыбнулся, высккивая носом местечко, где пахло сильнее.

«И почему мы не женимся?» – расслабленно подумал Никола.

Профессор Громов будет только завтра, а сегодня можно подумать о незначительных, глупых и приятных пустяках. Например, почему у них с Аллочкой так все замечательно, а о женитьбе он и не задумывался? И она тоже. Наверное.

А кстати, действительно, хотела бы она скрепить, как говорится, их узы штампом в паспорте? «Наши узы! Узы наши!» – неслышно замурлыкал Никола, предвкушая горячий аромат-

ный кофе, который он неторопливо будет варить сразу, как только сможет выпростать ноги из-под теплого одеяла и спустить их на пол...

Узы наши... Узы – узилище... Узилище – это по-старославянски, кажется, тюрьма? Не потому ли Алла даже не намекнула за три года, что не прочь оформить документально их замечательные отношения? Не хочет в узилище?

Эта мысль ему не понравилась.

Чем уж он, Никола, так нехорош для создания семьи? Представить, что в двадцать восемь лет девица не хочет замуж, он не мог. Ну не мог и все тут. Разве что не хочет за какого-то конкретного балбеса! Но ведь он-то, Никола Любавин, вполне даже подходящий вариант. Ну не Жора же Авакян из отделения неврологии, где работает Аллочка!

Маленький, толстенький, с синеватыми – как ни брей их – щеками – этот Жора, кстати, просто обнаглел. Прекрасно зная о том, что у доктора Любавина и доктора Резниковой давний роман, он не перестает томно и трагически вздыхать при виде бело-розовой Аллочки и дарит ей неприлично роскошные букеты. На Восьмое марта, в день рождения и даже на Новый год. Медсестры из Николиной хирургии посмеиваются и язвят, разыскивая по всему отделению огромные вазы для Жоркиных венчиков.

Никола всегда думал, что их насмешки адресованы безнадежно влюбленному Жорке. А вдруг он ошибался? Вдруг эти любопытные девицы знают что-то такое, чего не знает он, доктор Любавин? Может, Аллочка вовсе и не равнодушна к ухаживаниям Жорки? А Никола – просто самонадеянный слепой индюк...

Эта мысль не понравилась ему еще больше. Так не понравилась, что Никола даже упустил кофе. Пришлось мыть плиту и посудину и снова наливать воду. Кофейный порошок рассыпался по полу, Никола поморщился и набрал Аллочкин номер.

Кстати сказать, зачем это она сегодня поехала в больницу? Не дежурит, тяжелых детей сейчас нет... Что-то она объясняла вчера, когда он приехал ночью...

Он приехал ночью... И тут он все вспомнил.

Не Аллочкины объяснения, а то, что произошло с ним.

Двое парней с тенью за плечами. Сварщик Серега. Обжигающий страх, как глыба льда на беззащитном теплом теле. И хмельное чувство миновавшей опасности...

Вчера опасность миновала. Но она возникнет сразу, как только Никола попытается выйти из дома. А может, это случилось только один раз и больше не повторится? И он будет, как нормальный человек, видеть только то, что положено нормальному человеку? И никаких крыльев за плечами всяких там мерзавцев? В конце концов, кто он такой, чтоб видеть эти дурацкие крылья? Не прокурор и не ангел, и на фиг ему такие сверхспособности...

Оцепенев от воспоминаний, он не сразу понял, почему телефонная трубка в который раз спрашивает Аллочкиным голосом:

– Ты что молчишь, Любавин?

– Ты где?

– Заезжала в больницу, у меня Ванечка новенький, надо было посмотреть. Я же тебе говорила, ты что, такой пьяный был, что ничего не помнишь?

– Вспомнил. И Жора Авакян на Ванечку глядел?

Аллочка помолчала.

– Жора дежурит. А что, он нужен тебе? Позвони в отделение. Я уже у Ларисы. Она с Королевым на фазенду уехала.

– А на тебя Машку повесили, да?

– Поставили, – хмыкнула Аллочка. – Хочешь – приезжай. Поможешь.

– Я подумаю.

Никола подошел к окну.

Воскресный утренний город был безлюдным и тихим. Вот и хорошо, что безлюдный. Никола медленно поведет свои потрепанные «Жигули», разглядывая редких пешеходов. Такую вот проверочку устроит себе, и окажется, что все хорошо, все – нормальные... И пешеходы, и он, Никола...

Он уговаривал себя так же, как и вчера, когда решил немного проводить растыку в берете, впоследствии оказавшегося сварщиком Серегой. Елки с палками, но ведь так и получилось, как он заподозрил: Сереге грозила вполне реальная опасность, и если б не доктор Любавин...

Никола долго разглядывал себя в зеркало. Внешне никаких изменений заметно не было. Разве что физиономия слегка опухла в результате вчерашнего гостевания у сварщика Сереги, так это пройдет. Никола взъерошил черные волосы, и без того пребывавшие в беспорядке. Может, изменения там, глубоко под черепушкой? Ведь что-то непонятное с ним все-таки происходит! К кому из коллег бежать сначала: к окулисту? Или уж сразу – к психиатру?

– Елки с палками, – сердито отвернулся Любавин от собственного отражения в зеркале. Надо бежать прежде всего к Аллочке и с ней все обговорить. Но до того исполнить неприятное поручение главврача, позвонить Вовке Опенкину.

Помаившись возле телефона, Никола наконец набрал номер. Ему сразу же откликнулись, будто целый век ждали, когда же раздастся Николин звонок. И откликнулся именно Владимир Сергеевич Опенкин, депутат Государственной думы. Тайная надежда Любавина, что ему дали не тот номер, рассыпалась от звуков энергичного и красивого баритона Вовки. Следом за ней рассыпалась еще одна надежда – что Вовка не вспомнит, кто такой Никола.

– Паганини! – радостно заурчал отлично поставленный, как после стажировки в Ла Скала, голос. – А я тебя недавно вспоминал с одним знакомцем. Ему посоветовали проконсультировать у тебя своего ребенка, там какой-то сложный случай был, так он после консультации заявил: оперировать доверю только Любавину! В твоей задрипанной больничке! Это при наших-то возможностях, представляешь?!

Никола скоренько выяснил, сделана операция или еще предстоит. Оказалось, ребенок уже выписан и все счастливы.

– Так у меня к тебе разговор, Владимир Сергеевич, как раз по поводу моей задрипанной больнички, – ввернул он, наконец.

– Не сомневаюсь, – с удовольствием захохотал депутат. – Давай так договоримся. Расписание у меня, сам понимаешь, пальчик некуда сунуть. Через пару дней я буду открывать новую поликлинику, время тебе сообщит мой помощник, сам позвонит, и ты подъедешь. Лен-точку перережем, прогуляемся немного по зданию, потом я на заседание в Думу поеду – вот в машине и поговорим. Лады?

Распрощавшись с жизнерадостным слугой народа, Любавин, тоже повеселевший, поехал к Аллочке.

Глава третья

Машка безобразничала. Ей не хотелось делить родную тетку с Николой. Она жаждала полновластия.

– Иди, иди, – уговаривала она его. – Тебя детки ждут. Они болеют – ох-ох! А ты иди, лечи их!

– У меня сегодня выходной и я весь день буду здесь, – поддразнил Никола.

Машка нахмурилась, выскивая приличный предлог для того, чтобы все-таки проводить незваного гостя. И нашла!

– Машинку угонят, – небрежно обронила она. – У папы же угнали...

– Как угнали? – удивился Никола. – На чем же они в деревню уехали? Вертолет вызывали, что ли?

– Угнали, – развела руками Машка. – Она сначала долго кричала-бибикала, а папа спал, мы проснулись – машинки нету! Пришлось на трамвае в деревню ехать!

Она так горестно вздохнула, что Никола на секунду поверил.

– Алюш, правда, что ли?

Аллочка, улыбаясь, поставила перед девочкой тарелку.

– Ешь суп, Маша, и не обманывай Николу. Видишь, как он расстроился.

– Он больше расстроится, когда его машинку угонят, – не сдавалась девочка.

Никола рассмеялся:

– Моя машинка старенькая, не нужна никому. А ты, оказывается, коварная девица, Машка!

– Сам такой. И деток тебе не жалко, и машинку не жалко...

Она задумалась с ложкой в руке. Никола замер в предвкушении. И что на этот раз придумает дитятко? Карие Машкины глаза вдруг засияли, будто в них лампочки зажгли. В восторге от собственной изобретательности, она с размаха бросила ложку, та угодила в тарелку с супом, обдав Николу брызгами.

– Караул! Ты утюг забыл выключить! Пожарники едут!

Никола хохотал, вытирая лицо подсунутой Аллочкой салфеткой.

– Класс! Молодчина!

– Ну вот! Беги скорее!

– Я, может, и забыл бы выключить утюг, но вот ведь какая штука: я давным-давно его не включал. Мне Аллочка рубашки гладит, а она ничего не забывает, ты же знаешь сама.

Машка рассердилась – на Аллочку.

– Не гладь ему ничего! Пусть мятый ходит!

– Хорошо, Маша. Я подумаю.

Алла села рядом с девочкой и попыталась завладеть ложкой.

– Давай я тебя покормлю – уже давно спать пора.

– Его корми! Ты ему рубашки гладишь, тогда и корми! И сказку ему рассказывай!

– Ах вот оно что! Оказывается, наша девочка без сказки обедать не может! – сладким голосом произнес Никола.

На этот раз Машка не поддавалась на провокацию. Холодно пробормотав: «Я все могу!», – она заработала ложкой.

– Ладно, не буду вам мешать, – сдался Никола. – Пойду в комнате посижу.

Он упал на уютный диван. Рядом валялась яркая Машкина книжка, он полистал ее, прислушиваясь к голосам, доносящимся из кухни.

Забавная у Аллочки племяшка получилась. Родилась она незадолго до того, как они с Аллой от переглядушек перешли к более тесному общению. Чертами лица и мастью – в папашу, красавца-адвоката Андрея Королева. А характером по матушке пошла – такая же сорока, бойкая и говорливая. Лариса была полной противоположностью Аллочке. Николу всегда удивляло, насколько разные сестры – и характерами, и темпераментом. Ларису в ближайшем окружении так и звали – цунами. Никола втайне даже сочувствовал Андрею. Впрочем, он вряд ли в этом сочувствии нуждался...

«А может, я ему просто завидую?» – вдруг подумал Никола. У них все так ладно-складно, и вот Машка замечательная, и дом в деревне, где они пахнут с упоением и отдыхают с толком... А что у него? Только больница и есть. Аллочка? Он-то к ней привык за три года, но не спроста же сегодня все утро про Жорку Авакяна вспоминал... Надо бы как-то все выяснить, но Никола не знал, как это делается.

Впрочем, стоит прежде с главной проблемой разобраться, а уж потом с Жоркой. Точнее, с Аллочкой.

Но когда Аллочка, уложив Машку, появилась в гостиной, он с недоумением понял: целых полчаса он только и думал про Жорку, про его дурацкие букеты и обожающие взгляды, которыми он обволакивает Аллочку, стоит ей возникнуть в обозримом пространстве.

Да, кстати, зимой он ездил на симпозиум в Австрию и привез Аллочке какой-то умопомрачительный набор из ежедневника, телефонной и записной книжки – натуральная кожа и золотое клеймо известной фирмы... Главное, не постеснялся вручить презент при Николе! Правда, Жорик и ему привез подарок – галстук, естественно, тоже фирменный. Но это, наверное, только для отвода глаз, чтоб у Николы не было повода возражать против подношения Аллочке... Он и не возражал. Даже и не подумал, что все это выглядит, по меньшей мере, двусмысленно...

Аллочка появилась и поманила его рукой – мол, шагай тихо на кухню.

– Давай поедим, – предложила она, закрыв дверь плотнее.

– Не хочу. – Это прозвучало так резко, что она вскинула глаза. Никола добавил:

– Завтракал поздно, правда...

И вдруг неожиданно для себя бухнул:

– Слушай, у вас с Жоркой... что?

– Что?

– Ну, он так за тобой увивается...

– А... – протянула Аллочка. – Так это давно уже. Ты только теперь заметил?

Она не смотрела на него – возилась с посудой, и Никола почувствовал, как непонятная обида колючим комком перекрыла горло.

– А ты что?

Этот вопрос, как и все предыдущие, прозвучал глупо. Но откуда ему знать, *как* надо об этом спрашивать?

– А что я? – снова переспросила Алла.

Он развернул ее за плечи к себе лицом. Темно-серые глаза с зелеными крапинками были влажными и блестящими.

– Что с тобой, Любавин? Никак ревнуешь?

– Я?! – он так бурно и неискренне возмутился, что самому стало смешно. – Кажется, да... Ревную.

– Бывает, – пожала плечами в его руках Алла, высвободилась и снова забренчала тарелками.

– Я ревную, да, а ты доказывай свою невиновность, – шутиливо потребовал Никола. Почему-то он почувствовал неловкость, словно появился на публике в одном галстуке. В том самом, который привез ему Жорка.

– Брось, Никола. Из тебя не получится страстный влюбленный. Ты у нас хоть и веселый парень, и со всех сторон обаятельный, но на сильные чувства вряд ли способен.

И тут он просто рассвирепел:

– У кого это «у вас», позвольте узнать? И кто – «у вас» – способен на что-то там неземное? Может, Жорик Авакян? Ну так и флаг вам в руки! А мне, дураку, стоило ребенка послушать и бежать утюг выключать!

Он выскочил из квартиры, не вспомнив, что надо бы потише – Машка спит. Сбежал по лестнице, под громоханье металлической подъездной двери слепыми от обиды глазами не сразу отыскал свой «жигуль», рванул с места.

Первый же светофор поймал его на красном свете. Он понял это, только увидев вблизи ядовито-желто-зеленый «фартук» гаишника. Инспектор двигался и говорил медленно, будто нарочно время тянул, терпение испытывал. Никола выскочил из машины, молча сунул ему документы и деньги. Переминался с ноги на ногу, как школьник перед завучем – не от страха, от нетерпения. Наконец удовлетворенный страж порядка отпустил его. Повернулся спиной и вразвалку зашагал к патрульной машине.

Никола присвистнул, глядя в широкую спину. Вдоль плеч гаишника спадала, переливалась оттенками серого цвета тень.

«Я совсем обалдел, – сказал себе Никола. – Ехал к Аллочке поговорить *об этом*, а устроил какой-то глупый скандал. Как же теперь мне быть? Кто посоветует? Кто поможет?»

Он был уже слишком взрослый мальчик, чтоб, как в детстве, просить неизвестное и невидимое Нечто: «Помоги, Боженька! Я сам не справлюсь!»

Да и ни разу, наверное, с шестого или седьмого класса, когда происходили те события, он не вспоминал о Боге. Не было Бога в Николиной жизни. По крайней мере, он так думал.

И теперь, забившись в собственную квартиру, как крыса в нору, прячась и от света, и от пугающих теней, он растерялся.

Долго держал в ладони невесомую телефонную трубку – ладонь вспотела. Но звонить не стал. Аллочка обиделась. Может, и простит его, но должна же она, как и все особи женского пола, выдержать время. Эти придуманные кем-то ритуально-обезьяньи ужимки в отношениях даже близких людей сейчас показались ему особенно отвратительными. Нет чтоб просто: – Прости! – Простила!..

Да и не сможет Алла приехать к нему, пока не вернутся из деревни Королевы. А сам он, Никола, ни за что из дома не выйдет. Ни за что.

Никого не видеть, ничего не вспоминать и не гадать на кофейной гуще – как жить дальше.

Сильно и редко билось в груди сердце. Так сильно, что подкатывало к горлу. Ба, доктор! Да у вас аритмия вот-вот прорежется! Никола усмехнулся. Это никуда не годится. В конце концов, еще ничего не произошло. Просто появилось в жизни новое обстоятельство. Надо спокойно рассмотреть его со всех сторон, обдумать и... продолжать жить. Другой человек еще бы и выгоду извлек, а он расстроился!

Фальшиво напевая кипеловское «Я свободен!», Никола постоял под душем, залез в свежий уютный халат, включил негромкую музыку – вчера Аллочка принесла новый диск с какими-то средневековыми песнопениями. В холодильнике полмесяца болталась недопитая бутылочка сухого французского вина. Аллочке вино не понравилось: «Видно, французы иначе устроены, раз им *такое* – в удовольствие. Ну просто очень изысканно! И очень кисло...»

А Николе любое сейчас в самый раз. Он захватил бутылку и стакан, потом вернулся на кухню за тарелочкой с нарезанным сыром, устроился на диване и включил автоответчик. Утром он специально слушал только Аллочку, но там кто-то еще записан.

Первым оказался Жорик Авакян. Никола поперхнулся и пролил на себя изысканное французское.

– Любавин, – произнес Жорка, – есть для тебя операционная сестра. Классный специалист. Анна Сергеевна, записывай телефон.

Николина операционная сестра Верунчик, без которой он не представлял себе жизни – то бишь работы, – собиралась уходить в декрет. Доктор Любавин месяца два стонал, что пропадает – ему вся больница искала подходящую кандидатуру. Штук шесть он уже отмел напрочь. Может, он и завышал требования, но даже главный не стал спорить. Любавин знает, кого ищет. Скорей всего, эта Жоркина Анна Сергеевна окажется тем, кто ему нужен. Потому что Жорик тоже хороший доктор... Пусть он влюблен в Аллочку безответно – с каждым может случиться. Главное, чтоб безответно...

– Любавин, здравствуй! – низкий, с хрипотцой голос был незнаком. – Как же я рада, что ты пришел на встречу! Первый раз за все годы! Где скрывался? Почему? Наверняка по голосу меня не вспомнишь. Лина Миргородская...

Пауза была явно рассчитана на то, что перед Николиным мысленным взором возникнет прекрасный образ этой самой Миргородской. Он и возник. Холеная красавица с бриллиантками в ушках и тоской в глазах. Линка – дочка секретаря какого-то московского райкома могучей и ужасной КПСС. Папа не вписался в постперестроечное пространство, и дочке пришлось пробиваться в жизни самостоятельно. Кажется, торговлей занимается. Правда, называется ее род деятельности корявой калькой с иностранного слова – Никола в них не разбирался, не запоминал, поскольку в практике детского хирурга подобные термины не могли пригодиться.

– Мы с Вадиком Мацерой собирались к тебе в гости, помнишь? Ты был не против. Но мне бы с тобой сначала тет-а-тет повидаться. Ты всегда славился проницательностью, может, и в моей ситуации разберешься. Попытаешься, Никола?

Какая несусветная чушь! Никогда он не был проницательным, и умных «жизненных» советов у него в шкафу не пылилось. Просто Линка все еще в поисках, оттого и тоска в глазах. Ладно, повидаемся.

Стоп! А как же тень за спиной?

Никола в который раз за два дня почувствовал растерянность и какое-то смертное томление. Как будто жизнь вот-вот оборвется. Как будто он должен добровольно уйти в лепрозорий, чтоб не губить других опасной болезнью.

Но вино – изысканное и кислое – уже действовало.

– Пошел вон! – неизвестно кому сказал вслух Никола. – Буду жить, как жил!

Глава четвертая

– Значит, так. Вы ужинали в ресторане, где тусовалась какая-то компания – как оказалось, бывшие одноклассники.

– Да.

– Вас заметили, и отвязаться от них не было никакой возможности.

– Да.

– Среди них был человек... назовем его Доктор. Вы точно не знаете, может ли он сейчас, как в детстве, на глаз определять криминальные рожи, даже хорошо закамуфлированные. Но рисковать нельзя.

– Да.

– Нужна наружка?

– Естественно. И задаток.

– Неужели? Это ваши проблемы. Достаточно того, что я буду платить за наблюдение

...

– Это НАШИ проблемы.

После недолгого молчания прозвучало:

– Ладно. Пусть будет так. Но сначала – мой заказ.

* * *

Алла Резникова была особой весьма легкомысленной, но об этом знали только она и Лариса. Собственно, именно сестра и сформулировала основной недостаток в характере Аллочки.

Разговор, чуть не закончившийся ссорой, произошел в тот период, когда отношения Аллы и Николы находились в стадии нежных клейких листочков. Любавин и в эту пору романа оставался верен себе.

Чета Королевых пригласила их к себе на дачу – шашлычком побаловаться, между делом прохуdivшуюся крышу сарая починить. Никола предупредил, что задержится, – у него был послеоперационный больной, но клятвенно обещал появиться в деревне не позже полудня.

Ждали его долго и терпеливо. Королев жарил шашлык уже в сумерках, потом втроем сидели на веранде, и Лариса то и дело предлагала Аллочке позвонить Любавину на мобильный.

– Отстань, – наконец резко сказала Алла. – Мой-то номер у него тоже есть.

– А вдруг что случилось? – не глядя на сестру, предположила Лариса. Алла только плечом дернула. Запив глотком вина очередную порцию сочного мяса, Лариса пошла на приступ.

– Вот что я тебе скажу, дорогая. Конечно же, ничего у него не случилось. Просто все, что не его драгоценная работа, для Любавина не важно. И ты в том числе. Он даже не поймет, какие к нему могут быть претензии, если вдруг ты решишься их высказать. И он всегда будет таким! Лет до сорока промурыжит тебя – ни замужняя, ни свободная, ни детей, ни обязательств. А потом, может быть, еще и бросит!

– Перестань, – поморщилась Аллочка. – Я все о нем знаю.

– Вот то-то и странно! Знаешь и терпишь. Какая ты легкомысленная, кошмар! Тебе же не восемнадцать лет!

– Что ты от меня хочешь? Переделать Любавина нельзя, как и нас с тобой. Разбежаться? Если только он сам так решит.

– И ты будешь все от него терпеть?

– Буду, – улыбнулась Аллочка.

Лариса в растерянности перевела взгляд на Королева. Андрей с отсутствующим видом поедал мясо.

– Королев, ну скажи что-нибудь!

– Не ссорьтесь, девочки! – адвокат протянул Ларисе веточку киндзы. – Пожуй!

– Ты что, издеваешься? Это не шуточки тебе! Ты разве не видишь, как Алка мучается?!

– Не вижу. По-моему, она влюблена и счастлива. Все остальное – мемуары. Никола хороший парень, к нему только приспособиться нужно.

Неизвестно, чем бы закончилось для адвоката это его выступление, но приехал Любавин. Сразу стало шумно, тесно и весело, будто Никола привез с собой еще несколько человек. Извиняться за катастрофическое опоздание он, конечно же, и не подумал, никакой напряженности в атмосфере не почувствовал, поэтому, наверное, она быстренько разрядилась сама собой, и даже Лариса через пару минут забыла свою недавнюю обвинительную речь, и так же искренно, как ругала Николу, теперь любовалась им и смеялась его шуткам.

...Долго обижаться на него было невозможно. Поэтому, едва появившись на работе в понедельник, Аллочка пошла на второй этаж, в хирургию. Ординаторская была полна народу. Никола, как обычно, не дожидаясь пятиминутки, допрашивал дежурного врача: как прошла ночь, не было ли каких неожиданностей.

Она хотела уйти, но Любавин, не глядя и не прерывая разговора, протянул руку и уцепил ее за локоть. Докторская шапочка была надвинута на брови, и от этого его глаза казались сине-зелеными. Аллочка отвернулась, мягко освободив руку. Какая глупость, что она его вчера не остановила, не удержала. Теперь вот терпи до вечера – ни обнять, ни прижаться щекой к ладони...

Он догнал ее уже за дверью.

– Я болван, Алка. Ехал вчера к тебе с ба-а-льшой проблемой, с ней и возвратился. После работы ко мне, ладно? Обсудить надо.

В последний раз в душе трепыхнулась вчерашняя обида (он абсолютно уверен, что я пойду – только свистни!), но что-то новое – то ли растерянность, то ли тревога – плескались в глазах Николы, и она испугалась.

Так испугалась, что на пятиминутке в своем отделении только на третий раз услышала обращенный к ней вопрос Жоры Авакяна:

– Доктор Резникова, так что же у нас с новеньким – Иваном Тё трех с половиной лет?

Она очнулась. Коллеги улыбались. Жора хмурился. Историю болезни мальчика со смешной нерусской фамилией Аллочка знала наизусть. Да и Жорка уже смотрел Ванечку – чего пристает? Нет, все-таки ей далеко до доктора Любавина. Он может отстраняться от всего личного, когда дело касается больных детей.

– Алла Анатольевна, вы плохо себя чувствуете?

– Извините, – буркнула она. Надо забыть до вечера о Любавине. Или попытаться поймать его после операций – сколько там их сегодня у Николы? – и расспросить...

Но поговорить удалось только вечером.

Сидели на кухне. Монотонно и деловито, словно читал историю болезни, Никола выложил ей все, начиная со школьных событий. Налил из крана холодной воды, большими глотками выдул целый стакан и только тогда взглянул на нее.

– Каков диагноз, доктор?

Аллочка нетерпеливо качнула головой – белокурые прядки занавесили щеки.

– При чем тут диагноз?

– Ты уверена, что я не... того, – Никола стукнул себя по лбу пальцем.

– Уверена!

Он с облегчением улыбнулся.

– А я уж подумал... Тогда все не так страшно, правда?

«Неправда!» – хотелось крикнуть в ответ. Извечный охранительный инстинкт встопорщился в грудной клетке, как крылья потревоженной птицы, было трудно продохнуть.

– Ну что ты так перепугалась? Я ж не собираюсь каждый раз кидаться грудью на амбразуру, как со сварщиком Серегой...

– А получится – не кидаться?

– В конце концов, я же не ангел-хранитель!

– А вдруг АНГЕЛ?

Она так произнесла это, так смотрела на него, что Никола замер.

– Ну ты даешь! – выдохнул он наконец. – Не городи ерунды. Давай лучше подумаем, что предпринять. Нет, сначала поужинаем, а думать будем потом.

Он потянул ее за руку, подталкивая к холодильнику, прежним своим развеселым тоном начал рассказывать, чем порадовали, как рассмешили сегодня дети.

Никола болтал без умолку, пока разогревалась в микроволновке курица, заваривал крепкий чай, кинув в «липтон» ложечку жасмина, смешно сердился на сорокалетнюю операционную сестру по имени Верунчик, надумавшую рожать «поскребыша».

И страх отступил, спрятался в затененных углах квартиры. Аллочка знала, что он еще вернется, леденя душу, ну и пусть, пусть возвращается.

Где искать защиту – она тоже знала...

Глава пятая

– Если ты на метро поедешь, то поторапливайся, – крикнула Алла из кухни. Не дождав-шись ответа, заглянула в комнату. Интересно, на какой детали туалета Любавин так сосре-доточился, что даже оглох. Ну конечно, галстук. Она с состраданием наблюдала за потугами Николы сделать узел такой толщины, как надо.

– Ты б тренировался по утрам, – посоветовала она. – А то раз в год костюм надеваешь, все джемперочки, футболочки да курточки. Как мальчик.

– Я мальчик и есть, – Никола с довольной физиономией подтянул узел галстука к ворот-ничку, осмотрел себя в зеркало.

– Вещь узнаешь? – повернулся он к Аллочке. – Твой Жорка подарил, помнишь?

Она подошла вплотную, крепко обхватила ладошками его лицо:

– Любавин, как же ты мне надоел... со своим Жоркой!

Никола прошепелявил стесненным ртом:

– Он – твоя большая любовь, не отпирайся.

– Ты – моя большая любовь, – строго и серьезно произнесла Алла. Оба замерли на мгно-вение, потом Любавин перехватил ее ладони, поцеловал каждую. И вздохнул:

– Что-то не хочется мне никуда ехать, Аллочка. Я одичал совсем, кроме своих, ни с кем давно не встречался, и теперь всего колбасит от мысли, какой там народ соберется. Важные, надменные индюки...

– Ну уж индюки! Расслабься, Любавин. И получи поддержку слуги народа в важном для всех нас деле!

Никола с подозрением посмотрел на нее:

– Ты с главврачом тренировалась такие речи говорить?

– Иди уже, опоздаешь.

– Не представляешь, как не хочется...

Сердце вздрогнуло: не предчувствие ли беды крутит Николу?

– Ты там осторожнее...

Он обругал себя, заметив, как заплескалась тревога в серых в крапинку глазах, улыб-нулся:

– Ты ничего не поняла, глупая. Я не хочу *от тебя* уходить. Все, помаши в окно.

И, подхватив портфель, выскочил за порог. Возле угла дома, за которым Алла уже не сможет его увидеть, он повернулся, отыскал в окне ее белокурую головку и поднял руку.

От того, сколько ты прстоишь у окна

И просмотришь мне вслед из окна,

Не зависит из будущих бед ни одна,

Из грядущих обид – ни одна.

Так зачем же мне знать, грея ветер щекой,

Что, к стеклу прислоняясь щекой,

Из-под самых небес ты мне машешь рукой,

Просто машешь и машешь рукой?..

Он эти стихи услышал лет сто назад, автора забыл, а строчки всплывали в памяти каждый раз, когда вот так приходилось расставаться с Аллочкой.

И чего она встревожилась? Или это от него ей передалось напряженное ожидание беды – не беды, но чего-то из рук вон неприятного...

Через час Никола подъехал к поликлинике-новостройке. Удивительное дело – вокруг здания уже и газоны ласкали глаз ровненьким бордюриком, и чистый асфальт, и деревья по периметру новехонького ограждения. О том, что еще месяц назад здесь была грязь, ямы и ухабы, ничего не напоминало. Правда, совсем близко от поликлиники достраивался дом, это нарушало общую благолепную картину.

Новенькую парковку заняли машины – задолго до начала мероприятия сюда прибыло местное начальство. Все ждали депутата.

Никола выбрал наблюдательный пункт возле въездных ворот – уж их-то Владимир Сергеевич не минует. Подошли двое в камуфляже:

– Пожалуйста, представьтесь.

Никола вытащил бумажник, раздувшийся от документов разнообразного калибра и значимости. Пусть хоть все смотрят, безопасность народного избранника – дело серьезное.

Еще полчаса маяты, и Опенкин прибыл.

Никола стоял за спинами и гадал: вспомнит Вовка о назначенной встрече с доктором Любавиным или суета помешает. Он посочувствовал бывшему однокласснику – сколько людей, передвижений, обещаний, которые надо выполнить или успешно забыть, чужих посулов тебе, о которых надо кому-то напоминать!

Сегодня утром Аллочка в разговоре о предстоящем деловом свидании с депутатом вдруг процитировала: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе...»

– Это ты к чему? – удивился Никола.

– К тому, чтоб ты не слишком надеялся...

– Вовка нормальный мужик. Мне так кажется. Он в восторге оттого, что именно его одноклассник помог высокопоставленному коллеге. Это еще один повод, чтоб подкинуть нам денег на оборудование.

– Ну да, свет славы доктора Любавина упал на лик депутата...

– Алка, – нахмурился Никола. – Мне не нравится, как ты говоришь.

Она подняла виноватые глаза:

– Я же знаю, что значит для тебя наша больница. И если твой Вовка пообещает, но не сделает, ты ж психовать будешь. А мне не хочется.

– Поможет, – с деланной уверенностью отрезал Никола.

А сейчас он стоял в толпе и поругивал главврача, который втянул его в это сомнительное мероприятие. Не вспомнит Вовка... А Вовка вдруг завертел головой.

– Доктор Любавин! – весело крикнул Опенкин из плотной толпы вокруг него.

– Я здесь, – откликнулся тот и помаячил рукой. Люди перед ним расступились, и он оказался рядом с депутатом.

Вовка был похож на свои фотографии в газетах: очень молодой, очень успешный, с пристальным взглядом умных глаз. А теперь Никола увидел и то, что скрывали снимки: бьющую ключом энергию, юношеский восторг от ощущения – я молодец, у меня все получилось, у меня столько впереди! Выходит, напрасно Любавин сочувствовал депутату: такая сумасшедшая, непростая жизнь для него – родная стихия.

Никола с удовольствием пожал крепкую теплую руку.

– Значит, так, – негромко сообщил ему Опенкин. – Сейчас вся эта процедура, потом посмотрим поликлинику – кстати, она детская, тебе небезынтересно, наверное. Держись рядом.

Столь важное мероприятие снимало телевидение, газетчики разного масштаба сновали туда-сюда с диктофонами. Всем хотелось эксклюзивного привета от депутата.

Главврач новой поликлиники, миловидная худенькая женщина с нервным румянцем на щеках, провела экскурсию для важных гостей. Просторные холлы с телевизором на каждом этаже, бассейн, великолепная диагностическая аппаратура. Никола вспомнил, сколько тру-

дов стоило его главврачу «выбить» аппарат для доплерографии сосудов, как меланхоличный Жорик Авакян плясал зажигательный танец вокруг еще запакованного чуда медицинской техники ...

В какой-то момент сопровождающая депутата и начальство толпа значительно уменьшилась и просочилась в роскошный актовый зал. Там, на сцене, был накрыт стол для избранных. Любавин хотел было дать задний ход, чтоб подождать Вовку за дверью, но тот как почувствовал – подошел, взял под руку.

– Давай по бокальчику шампани, чтоб твоим коллегам и пациентам здесь всегда везло.

Захлопали пробки, депутат сказал что-то проникновенное и значительное, Любавин отпил шампанского и поймал движение Вовкиной головы в сторону двери. Вместе с депутатом зал покинули и руководители округа, их провожали человек двадцать.

Крыльцо у здания было высокое, с пандусом для колясок. На крыльце и остановились: фотограф должен был снять высоких гостей вместе с медперсоналом поликлиники.

Никола задвинулся за Вовку, подальше, ведь он не почетный гость, а корыстный присутствующий, и на фотографии, которая будет храниться в поликлинике не одно десятилетие, ему делать нечего.

Фотограф выбирал ракурс, люди смеялись, за оградением стояли любопытствующие прохожие...

Мелькнула мысль, что момент затягивается, что можно было бы все это сделать быстрее. Не только можно, но просто необходимо, потому что нельзя Вовке стоять вот так, впереди всех, как будто он специально подставлял себя сплетням, взглядам, яркому блику от застекленных окон соседнего, еще незаселенного дома.

Никола рванулся вперед, к Вовке, за мгновение до того, как депутат Опенкин упал на широкие ступени крыльца. В задних рядах еще кто-то смеялся, прохожие за оградой смотрели с любопытством.

– Вовка, подожди, я же хороший врач, ты подожди! – звал Никола, пытаюсь нащупать биение пульса на запрокинутой шее, не отрывая взгляда от застывших зрачков одноклассника. Он откинул полы Вовкиного пиджака, чтоб подобраться к сердцу, и только тут увидел красное расплывающееся пятно на груди...

Никола поднялся с колен, держа руки навесу, как перед операцией, только сейчас они были не в хирургических перчатках, а в крови. Белое лицо Вовкиного охранника маячило перед ним, тот, кажется, что-то говорил, но Никола слов не слышал, как не слышал и шума вокруг, криков и истерического женского плача.

– Стреляли из строящегося дома. Кажется, я видел блик. Примерно седьмой этаж. Может, успеете...

Он сел на ступеньку рядом с Вовкой, достал пальцами из нагрудного кармана пиджака платочек, аккуратно уложенный Аллочкой, стал оттирать кровь с ладоней.

Ему казалось: он чего-то недосмотрел, недодумал вовремя. С самого утра тяготило дурное предчувствие, нужно было проанализировать ситуацию. И что? Если преступник действительно был в доме напротив, Никола ничего бы не увидел сквозь стены – ни тени дьявольских крыльев за спиной, ни винтовки с оптическим прицелом. И нельзя было просто так взять и сказать Вовке: «Знаешь что, не светись-ка здесь, давай быстрее уедем»...

Двор поликлиники заполнили машины – милиция, городские власти... Николу оттеснили от Вовки, он стоял в стороне, курил предложенную кем-то сигарету. Рядом возникла симпатичная худенькая докторша из новой поликлиники, тоже курила.

– Может быть, вам выпить чего-нибудь? – неуверенно предложила она. – На вас лица нет.

Он усмехнулся:

– Шампанского?

Она передернула плечами.

– Да уж, это шампанское теперь на всю жизнь... Есть коньяк. И валокордин.

– Спасибо, коллега. Мне сейчас с милицейскими общаться, так что я уж попозже выпью.

Докторша вдруг выразительно расширила глаза, едва заметно качнув головой. Никола повернулся. К ним шел человек с полковничьими погонами, постное выражение круглого, с двумя подбородками, лица явно говорило о том, что полковник не видит смысла в предстоящем разговоре. Однако разговор он начал, предварительно пригласив Любавина в кабинет главврача, который располагался на первом этаже поликлиники.

Полковник грузно опустился на стул, жестом предложив Николе сделать то же, снял фуражку. Блестящее озерцо лысины спускалось до лба. Он крепко потер это озерцо, вздохнул и уставился на Любавина.

– Вы врач?

– Да, только не из поликлиники.

– Как здесь оказались?

Никола рассказал.

– Значит, пришли с протянутой рукой. Теперь пустым уйдете...

Никола отвернулся к окну. Он ощутил ладонью недавнее крепкое и теплое рукопожатие Вовки – очень молодого, очень успешного, сохранившего юношеский восторг перед жизнью, в которой все так здорово складывается...

– Откуда вы знали, что киллер стрелял с седьмого этажа? Там гильзы нашли и еще кое-что...

– Я не знал. Мне показалось – блик...

– В какой момент?

Никола пожал плечами. Почти в тот самый момент, когда Вовка упал...

– Солнце во всех окнах, господин Любавин. Все сияет и сверкает.

Господин Любавин внимательно посмотрел на собеседника. Его насторожил изменившийся тон, будто от безнадёги полковник решил заподозрить доктора в чем-то неблагоприятном. Он снова пожал плечами.

– Да – а, – протянул полковник. – Если б вы на пару минут раньше сказали охраннику, может, и повезло б – поймали бы стрелка.

– Я хотел помочь раненому... То есть, я в первую минуту подумал: плохо с сердцем...

– Ну да, ну да, все понятно... Вы свободны. Когда понадобится, вызовем.

Любавин вышел из кабинета. Неподалеку ждала его симпатичная докторша.

– Мне бы руки вымыть, – попросил он.

В туалете для персонала Никола долго намыливал новеньким скользким мылом руки, усердно тер их, сердясь, что нет привычной щетки.

«Да ладно тебе, иди уже», – он со злостью опустил рычаг крана.

Дома ждала Алла. Она наверняка уже узнала из новостей о происшедшем, звонила на мобильник, но Никола телефон отключил, когда еще Вовка был жив...

Глава шестая

Они старались сделать так, чтоб их дежурства в больнице совпадали. Но это получалось не всегда. Вот и сегодня Аллу попросили заменить заболевшего врача, и Николе предстоял одинокий холостяцкий день. Он решил отоспаться, побездельничать. Ну и подумать, чего скверного можно ожидать в ближайшем будущем.

Одиночество его нарушил сосед с нижнего этажа. Олег Захарович, предприниматель средней руки, очень уважал Николу – прежде всего за то, что тот всегда по первому зову бежал к его занедужившей внучке. Пятилетняя Анна, которую очень занятые родители подолгу оставляли у бабушки с дедушкой, болела редко, но метко. Если уж вирусная инфекция – так с высоченной температурой, которую трудно было сбить, если скарлатина или ветрянка – непременно с осложнением.

– В шахматы сыграем, Никола? Только ко мне пойдем, слесаря жду. Хочу батареи менять. Знаешь, какие поставлю? С регулятором! Отличная штука, скажу тебе!

Шахматы Никола не любил, играл слабовато, но Олег Захарович – человек интересный, несмотря на разницу в возрасте, общаться с ним одно удовольствие. Кроме всего прочего, сосед без устали благоустраивал свое жилье: то сантехнику менял, то занимался перепланировкой квартиры, отделявая ее «под Европу». Работали, конечно, мастера, а Олег Захарович выступал в роли заказчика и главного дизайнера. Николу пока вполне устраивал свой дом, но на всякий случай он присматривался к тому, что делает сосед...

В дверь позвонили, когда Никола безуспешно искал, куда бы спрятать короля от неминуемого мата. Передышка была весьма кстати – можно без суеты помозговать. Проиграть третью партию подряд – это уж слишком.

– Когда же сможешь? – доносился из-за двери недовольный голос Олега Захаровича, – послезавтра? Нет, не пойдет. Послезавтра я с дачи своих перевозить буду. Тогда в субботу?

Слесарь что-то неразборчиво бубнил в ответ, бас перекрывал его:

– Да тут дел на полчаса, Костя! У тебя же руки золотые, что ты кокетничаешь!

Никола нашел ход. Король спасен, да здравствует король! В нетерпении он встал, шагнул в комнату, где слесарь-сантехник препирался с хозяином.

Молодой парень – черная щетинка усов вдоль верхней губы – с видом профессора разглядывал заморский агрегат. Олег Захарович обрадовался Николе, как неожиданной поддержке.

– Ну скажи, сосед, такую батарею на счет раз мастер поставит!

Усатый мастер упрямо бубнил:

– Поставлю я, Захарыч, но только в понедельник. Не хочешь ждать – Григорьева вызывай.

Сильно стукнуло сердце. Никола, проверяя себя, перевел взгляд на затейливые занавески. Теперь снова посмотрим, спокойно! За щуплыми плечами сантехника Кости четко обозначилась тень.

Когда за ним закрылась дверь, Никола сказал:

– Олег Захарович, вызовите другого слесаря.

– Мне Костя всю сантехнику менял, а других я не знаю – каковы в деле. Знаешь, как бывает: по три раза приходят, чтоб один унитаз поставить. А этот молодец, правда, руки золотые.

Ну что сказать? «Ему нельзя доверять! Он способен на что-нибудь очень плохое!» Детский лепет! Никола бессильно сжал кулак.

Третью партию в шахматы он выиграл. Но возвращался к себе в смятении. Аллочке, что ли, позвонить? Хотя, что она может посоветовать? Он все-таки набрал номер, и когда она откликнулась, спросил строго:

- Жорка не пристаёт? Я уже перчатку приготовил – на дуэль его вызывать.
– Нельзя, – с притворной печалью возразила Алла, – хороших врачей надо беречь...

* * *

Жизнерадостное семейство адвоката было посвящено в Николину тайну – Алла настояла. Андрей недоверчиво молчал, у Ларисы фонарями засветились глаза.

– Мрак! Вот это да! Любавин, ты ж теперь великим сыщиком станешь! А давайте провернем какое-нибудь расследование! Я знаю, я придумала. Поедем завтра в ресторан, там публика разная бывает. Никола вычислит кого-нибудь подозрительного, и мы будем следить, что он натворит! Значит, так...

– Мамоchка, дорогая, тебе нельзя нервничать, – Королев попытался остановить стихию.

Никола перекинул дикий взгляд с Ларисы на Андрея. Он не так уж редко имел счастье наблюдать эту веселую семейку «почти родственников», однако, иногда они ошарашивали его. Оба. Вот как сейчас. На призыв мужа Лариса не обратила никакого внимания. Волна, сметавшая на пути все живое и неживое, набирала силу.

– Нет, в ресторан – сегодня. Пить будем только минералку: всем предстоит серьезная работа...

Никола тяжело вздохнул. По всем признакам, Алку и Королева волна уже накрыла. Вон как внимательно слушают эту сумасшедшую, адвокат даже из кресла наполовину выдвинулся, а личико дамы его собственного сердца, в последнее время побледневшее от переживаний, на глазах розовеет, как морская раковина. Детский сад просто! Или уж дурдом?

– А чем ты недоволен, Любавин?

Лариса, уперев кулачки в тощие бока, возникла перед самым его носом. Никола нос отодвинул. А она наступала:

– Нет, не понимаю! Вы так трагично обо всем повествовали, будто происходит нечто ужасное и страшное. А на самом-то деле – это ж приключение, до смерти интересно, Любавин! Ну что ты смотришь, как повешенный перед казнью!

– Мамоchка, – гулко заржал Андрей, – повешенный уже никак смотреть не может! Говорю же, тебе нельзя нервничать! Заговариваешься...

Несмотря на смутное недовольство Любавина, разговор закончился тем, что Алла и Никола отправились переодеваться в соответствии с намеченной программой.

Он молча вел машину, удивляясь, как ловко удалось Ларисе поставить ситуацию с ног на голову. А может, с головы на ноги?

А еще Никола удивлялся себе. С того момента, когда он увидел за плечами двух бандитов недвусмысленный знак, он медленно, но верно терял свое лицо. Кажется, это так называется, когда под давлением сильных эмоций – страха, боли, ненависти, унижения – человек меняется, перестает быть тем, кем был еще вчера. Ладно, если теряется только «лицо». А если корежится душа...

Вот зачем ему все это нужно? Дар это или проклятие – способность видеть тень черного аггела? Если дар, то за какие достоинства? Если проклятие, – за какие грехи?

От непривычных мыслей в голове загудело, словно это была не г

олова, а церковный колокол. Никола опять тяжело вздохнул, паркуясь возле своего дома.

Глава седьмая

Шел дождь – мелкий, словно из распылителя, и пока Никола неверными пальцами щелкал зажигалкой, сигарета намокла.

– Не кури, дурак, умрешь и так, – пробормотал он и отбросил сигарету.

Из дверей ресторана вывалилась толпишка – Аллочка и Королевы. «Не сколько людей, сколько шума», – пьяненько улыбнулся Никола. Они с Андреем, конечно, нарушили Ларискин запрет на спиртное. Впрочем, дамы тоже сопротивлялись недолго.

То ли коньячные пары помешали, то ли в этот вечер ресторан посетили исключительно праведники, но Ларискин план не удался. Никола не обнаружил ни одного претендента на роль жертвы ее сыщицких подвигов. От радости – может, все и кончилось, не успев начаться?! – Любавин явно перебрал.

Вслед за родной публикой из ресторана вышла еще парочка. Или трое их было – Никола не разглядел, потому что снова попытался закурить. Веселая Лариска рассказывала «борода-тый» анекдот, Аллочка расслабленно улыбалась, Королев то ли девушек поддерживал, то ли сам в них опору искал.

Рядом затормозила машина, Никола почему-то решил, что она – для них. Но длинноногая девица на секунду выпустила локоть кавалера и нырнула по плечи в открытое окно салона. Видимо, договорившись с водителем, она обернулась к спутнику:

– Пусик, нам на Преображенку, правильно?

«Пусик» погладил себя по мокрому седому ежику и очень твердо произнес:

– Открытое шоссе, дорогая!

Никола с изумлением наблюдал за парочкой, а потом вдруг просипел шепотом:

– Лариска, запоминай номер!

Что-то его очень развеселило, он стал смеяться, как сумасшедший, раскидав по влажному асфальту все сигареты. Такси плавно тронулось с места, свернуло в переулок, а Никола все хохотал. Какой-то прохожий дядька выглянул из-под зонта и шарахнулся в сторону.

– Беги за ними, мисс Марпл или как тебя там! Это то, что ты хотела!

– Прекрати, Любавин!

На Николу смотрели с недоумением три пары глаз, а он все никак не мог остановиться.

– Давайте вернемся в кабак и добавим по этому поводу!

– По какому поводу, Никола! – Алла стукнула его кулачком по плечу. – Опять, что ли?

Чем может быть опасен пьяный дед?

– Не дед, а девица! Догоняйте их, быстрей! Тормози тачку, Андрей!

Они втиснулись в машину и долго препирались, куда ехать. Королев уверял, что никого преследовать не надо, да и бесполезно уже – «пусик» с девицей растаяли в ночи, Лариса звала всех к себе, Алла сердито требовала немедленно отвезти пьяного Любавина домой.

В конце концов решили, что Аллочкино требование вполне резонно.

А утром всю компанию ждали интереснейшие события.

В одном из них главную роль сыграл Андрей.

Он проснулся рано в скверном самочувствии. Мучила жажда, голова раскалывалась, и желудок мстительно сжимался в явной обиде на хозяина. Минералка из холодильника его немного успокоила. Не хватало только прохладного душа.

Стоя под упругими струями воды, Королев вспомнил вчерашний дождь, так и не прекратившийся по сию пору, и любавинский залиvistый хохот. И еще длинный сильный палец, указывающий вслед отплывшему во мрак московского переулка такси.

Андрей был очень скептически настроен в отношении паранормальных способностей Николы. Но сейчас, когда все внутренности встали на свое место и прояснилось в голове, Андрей с сокрушительной силой понял, как прекрасна жизнь, как удивительна и любопытна она во всех своих проявлениях.

Из-за этого щенячьего восторга он не заметил, как впустил в сознание мыслишку: как бы проверить, сочиняет Никола небылицы или все-таки что-то такое непонятное видит?

Через полчала после пары чашек крепкого кофе он позвонил приятелю. Тот работал в управлении внутренних дел Южного округа и мог посмотреть свеженькую сводку происшествий по городу. Правда, для этого ему нужно было поехать в управление сегодня, в свой законный выходной день, но Андрей пообещал не остаться в долгу, и они договорились встретиться на рабочем месте приятеля через пару часов.

В растущем возбуждении Андрей подгонял время, бестолково и тихо, чтоб не разбудить Ларису, слонялся по кухне, наливаясь кофе и дымя во все тяжкие.

Одевался он, когда жена уже проснулась. Едва открыв глаза, Лариса набрала номер свекрови, чтоб узнать, как поживает брошенная родителями дочь Машка. Она увидела на пороге спальни одетого для выхода в непогоду Андрея и чуть не уронила трубку.

– Куда?

– Мамочка, ты автор проекта, а я – один из исполнителей. Через час вернусь.

Вернулся он через три часа и в мокрых ботинках затопал по квартире в поисках Ларисы. Нашел ее на кухне, упал на стул, не обращая внимания на возмущенные междометия жены.

– Ты только послушай!

Некий гражданин Петухов Петр Никодимович, шестидесяти пяти лет, был обнаружен домработницей сегодня в 7 часов 45 минут в собственной квартире на Открытом шоссе в бессознательном состоянии. Перепуганная женщина вызвала «скорую», решив, что у «барина» сердечный приступ. Его забрали в больницу, а оттуда сообщили в милицию, поскольку Петухов Петр Никодимович был доведен до полусмерти, скорее всего, насильственно с помощью – пока предположительно – большой дозы клофелина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.